Константин Обозный

«Новый курс» религиозной политики Сталина и церковная ситуация на оккупированных территориях Ленинградской области (1943–1944 гг.)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-360-387

Konstantin Obozny

"The New Course" in Stalin's Religious Policy and the Church Context within the Occupied Region of Leningrad (1943–1944)

Konstantin Obozny — St Philaret's Orthodox Christian Institute in Moscow (Russia). suhoput2006@yandex.ru

Based on church documents and eyewitnesses' memories, the author attempts to present how the Stalin's "New Course" religious policy influenced church life under German occupation within Leningrad region from 1943 to 1944. The reinstatement of the Moscow patriarchate and the growing legality of the Russian Orthodox Church allowed the Soviet government to employ the religious factor in its solution to burning political issues. This was especially true within national outlying districts that were not included in the USSR till 1940. His conclusions about the New Course's negative affect on church life across the occupied Baltic, Ukrainian and Belorussian territories are also relevant to the situation in the districts of the occupied Leningrad region. The opportunities that opened up due to the "New Course" allowed the Soviet government to strengthen its position even before the liberation of these territories. This happened both through propaganda and church and canonical discrediting of collaborating Orthodox clergy and bishops, as well as through pressure on the church administration by the Soviet intelligence agency. Along with that, drastic measures were taken to eliminate the most opposed and implacable people, like the exarch Sergiy Voskresensky, for example, who was murdered.

Keywords: "The New Course", German occupation, the Russian Orthodox Church, Patriarchate reinstatement, the Pskov Orthodox Mission.

Обозный К. «Новый курс» религиозной политики Сталина и церковная ситуация на оккупированных территориях Ленинградской области (1943–1944 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 360–387.

Obozny, Konstantin (2017) "'The New Course' in Stalin's Religious Policy and the Church Context within the Occupied Region of Leningrad (1943–1944)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(3): 360–387.

Пожалуй, наиболее ярким компромиссом и значительной уступкой сталинского правительства в период Второй мировой войны стал так называемый «новый курс» церковный политики, который затронул прежде всего положение в СССР Русской православной церкви. Сегодня в отечественной исторической науке предложен целый ряд объяснений этого неожиданного разворота советской власти в сторону толерантного отношения к религиозным нуждам населения. В то же время в современной отечественной историографии пока неизвестны опыты исследования влияния «нового курса» религиозной политики советского правительства на церковную ситуацию временно оккупированных территорий СССР. Это не только малоизученная проблема, но и тема, рассмотрение которой позволяет по-новому взглянуть на церковно-государственные отношения периода второй половины войны. Учитывая известные факты и научные исследования (в том числе западного ученого[1]), а также используя документы (в том числе из архива УФСБ), мы попытаемся показать особую, инструментальную эффективность «нового курса» в условиях немецкой оккупации.

Одни исследователи считают определяющим фактором начала этой политики Москвы необходимость создания «видимости демократического, веротерпимого государства»[2] для того, чтобы подготовиться к Тегеранской конференции и расположить союзников к более активным действиям на фронтах Второй мировой войны. Существует мнение, что Кремль рассматривал новый церковный курс как инструмент консолидации советского народа, который устал от коммунистических лозунгов, стремительно теряющих свою привлекательность в условиях военного времени[3]. С точки зрения других ученых, основной причиной сталинского «сюрприза» были далеко идущие планы послевоенного раздела сфер влияния между мировыми державами, в котором, по замыслу Сталина, решающую роль должен был играть Московский патриархат. Средневековая идеологема «Москва — третий Рим»,

1. *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
2. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. С. 216.
3. *Якунин В.* Изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2002. №12. С. 67.

казалось бы, имела большие шансы воплотиться после разгрома Третьего рейха и установления советского контроля в большей части Восточной Европы. Для осуществления таких грандиозных планов требовалось «создание “православного Ватикана” путем объединения автокефальных церквей вокруг Московского патриархата и перенесения центра вселенского православия в столицу коммунистической империи»[4].

Нельзя не согласиться с тезисом, что Сталин был вынужден пойти на серьезные уступки в отношениях с церковью, чтобы не потерпеть поражения на агитационно-пропагандистском фронте. Отдел пропаганды *Ostministerium* активно использовал негативный опыт советских репрессий в отношении верующих граждан СССР, стараясь представить Германию в качестве защитницы русского народа от безбожного большевизма. Следует отметить, что на первых порах эта пропаганда ложилась на хорошо подготовленную почву и приносила свои плоды.

К июню 1941 года на территории Ленинградской области, в состав которой тогда входили нынешние Псковская и Новгородская области и которая подверглась длительной оккупации (Псков был освобожден в июле 1944 года), официально действующими оставалось не более десяти православных храмов, а большая часть духовенства и активных мирян были репрессированы. Хотя результаты переписи 1937 года свидетельствовали о том, что большая часть опрошенного населения (56,7%) так или иначе связывает свое бытие с верой в Бога[5], активная церковная жизнь к началу войны в основном переходит в подполье. Нужно ли объяснять причины тех надежд, которые питали мирные жители Ленинградской области с началом немецкой оккупации? Сегодня хорошо известны примеры восторженных встреч местным населением передовых отрядов немецких войск не только в Прибалтике и Западной Украине, но и на Псковщине. Так, например, православный священник-миссионер Иаков Начис в своем рапорте церковному начальству писал о своих наблюдениях из Порховского района:

4. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001. С. 106.

5. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 94.

> Русского крестьянина пугает всякая перемена, главным образом, своей неизвестностью и опасением за будущее благополучие. Приход немецких войск русскими крестьянами был встречен сдержанно, они как бы сравнивали своих новых хозяев со старыми. И когда стали открывать церкви и возобновились богослужения, то симпатия народа перешла на сторону немцев[6]...

С другой стороны, в этом вопросе не стоит переоценивать немецкое влияние. Мощный духовный всплеск был связан не столько с оккупацией, сколько с тем духовным голодом, который испытывала православная часть советских граждан. Как только после бегства советской власти прекратились тотальное преследование верующих и жесткий партийный контроль, крестьяне, не дожидаясь резолюций сверху, повсеместно начали открывать поруганные храмы, ремонтировать, украшать сакральное пространство, возвращать иконы, богослужебную утварь и спасенные святыни. Немецкие власти (в лице командования группы армий Север, штаб которого находился в Пскове) не вмешивались в процесс церковного возрождения, но в то же время не ослабляли пропагандистской работы и контроля за деятельностью церковно-приходских общин. Один из историков русского зарубежья назвал этот мощный духовный всплеск «вторым крещением Руси»[7].

Несомненно, все эти факты достигали советской стороны и были хорошо известны в Кремле. Подобное положение дел не могло не беспокоить Сталина, который понимал, что ситуация на оккупированных территориях складывается не в пользу советской власти, сначала потерявшей военно-политические позиции, а теперь практически начисто утратившей еще и идеологическое влияние. Таким образом, «новый курс» сталинской политики, вероятно, был и ответом на церковное возрождение на оккупированных территориях, происходившее с согласия и при активной агитационной шумихе оккупантов. По мнению профессора Алексеева, «сила религиозного возрождения, проявившаяся на оккупированной территории, заставила Сталина избрать курс временного сосуществования с Церковью и религией»[8].

6. ГАПО (Государственный архив Псковской области). Ф. 1633. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
7. *Алексеев В.И., Ставру Ф.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. Независимый русский православный национальный орган. Нью-Йорк. Москва. Париж. 1980. №11. С. 94.
8. Там же. С. 95.

Казалось бы, изменения, начавшиеся на советских территориях осенью 1943 года, должны были убедить население по обе стороны фронта в искренней веротерпимости коммунистического режима и в его покровительстве Православной церкви. Архиерейский собор и избрание патриарха Сергия, открывающиеся храмы и возрождение духовных учебных заведений, прекращение антицерковной пропаганды и возможность некоторым репрессированным клирикам и епископам открыто вернуться к церковному служению, — все это как будто давало надежду на то, что «время и война изменят сущность советской власти»[9].

Хотя подавляющее число исследователей подчеркивают прагматизм «нового курса» сталинской церковной политики, они же единодушно пишут о положительных, хотя и не совсем основательных, изменениях положения церкви и верующих в СССР: «Не подозревая о тайных замыслах Сталина, Церковь жадно вдыхала воздух возрождения»[10]. Справедливости ради стоит заметить, что в то же самое время (1943–1944 гг.) Православная церковь на оккупированных территориях Ленинградской области имела гораздо больше возможностей для ведения духовно-просветительской, образовательной, миссионерской и благотворительной деятельности, чем приходы Московской патриархии в условиях начавшегося «нового курса». Этот факт не мог ускользнуть от внимания советских разведчиков, которые отправляли на «большую» землю не только данные, связанные с военными действиями противника, но и сведения о настроениях среди мирного населения, в том числе в вопросе религиозном.

В этом контексте весьма привлекательной выглядит версия западного исследователя С.М. Майнера, согласно которой «новый курс» был запущен сталинским правительством, исходя из насущных задач реоккупации[11]. Именно в тот период войны, когда Красная армия начала освобождать значительные оккупированные территории Украины, Белоруссии и Прибалтики, в Кремле созревает план изменения церковной политики. Он потребовался для того, чтобы местное население этих территорий, более двух лет проживавшее в условиях нацистской пропаганды и нового по-

9. *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945 гг. С. 123.

10. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. С. 117.

11. *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945 гг. С. 185.

рядка Третьего рейха, как можно скорее и наименее болезненно возвратилось в парадигму советского строя и коммунистической идеологии. Как известно, для большей части мирных граждан, особенно крестьянского населения, Православная церковь являлась существенным авторитетом. Не привлечь этот мощный ресурс для решения своих задач советская власть не могла.

В монографии Майнера в основном речь идет о реоккупации национальных окраин СССР, тех территорий, которые Сталин приобрел после пакта (Риббентропа и Молотова) о ненападении августа 1939 года, незадолго до войны с Германией. Однако, как показывают факты, церковная ситуация в оккупированной части Ленинградской области, особенно в ее приграничных псковских районах, во многом совпадает с той картиной развития событий, которую предлагает Майнер. Можно сказать, что в его изложении «новый курс» обретает сугубо негативную оценку, поскольку он являлся эффективным инструментом для жесткого укрепления советского режима на отвоеванных у Германии территориях. Однако еще до того, как установить советскую власть, требовалось провести основательную подготовку, которая, по Майнеру, имела три основных направления. Первое направление — пропагандистское, когда ярлыки «фашистский» и «нацистский» навешивались «на малейшее проявление антисоветского, особенно нерусского национализма». Второе направление — церковно-каноническое; в этом случае возрожденный по приказу Сталина Московский патриархат «отлучал от церкви мятежных священнослужителей, передавая их приходы и церковную собственность лояльным Москве священникам». Третье направление связано с непосредственными действиями советской разведки, агенты которой трудились «над проникновением в политически ненадежные центры и их разложением». Они также не останавливались перед физическим устранением «религиозных деятелей, которых нельзя было подчинить или с помощью запугивания заставить сотрудничать»[12].

Для того, чтобы проиллюстрировать эти три способа воздействия Кремля на независимую от советского влияния церковную жизнь в оккупированных районах Ленинградской епархии, обратимся к некоторым конкретным фактам. Сразу следует указать на то, что «независимость» от советского влияния была несколь-

12. Там же. С. 190.

ко условной, так как в немецком тылу полномочными представителями советской власти являлись партизанские отряды, которые пытались со своей стороны контролировать жизнь оккупированных территорий. В 1943 году партизанское движение на территории Ленинградской области особенно укрепилось, под контролем партизанских бригад находились целые деревни и даже волости. Контролирующие функции, судебная и исполнительная власть осуществлялась специальными органами — оргтройками, действовавшими в каждом отряде. Несмотря на то, что эти территории находились под немецкой оккупацией, члены оргтроек строго следили за тем, как местные жители исполняют советские законы. Один из ветеранов партизанского движения писал: «В основе работы оргтройки были законы советского государства, конечно, с учетом военной обстановки и особенностей фашистской оккупации»[13]. Именно члены оргтроек (нередко из числа сотрудников милиции, прокуратуры, партийных и комсомольских работников) «выполняли и судебные функции, вынося приговоры и приводя их в исполнение в отношении изменников Родины, предателей и пособников оккупантов»[14]. Поскольку решающую роль в организации партизанского сопротивления играла Коммунистическая партия и ее верный слуга НКВД, то можно предположить, что отношение партизанского подполья к процессам церковного возрождения, происходившим при одобрении оккупационных властей, было крайне негативным. Для партизан-коммунистов «церковники», легализовав свое служение с приходом немецких оккупантов и тем самым проявив свою предательскую сущность, естественно попадали в категорию «пособников» оккупантов.

В партизанских отчетах, направляемых в Ленинградский штаб партизанского движения, содержатся характерные свидетельства о развитии церковной жизни на оккупированных землях русского Северо-Запада:

> С приходом оккупантов (их ставленники) сразу же приступили к открытию церквей. Были открыты церкви Заянская, Бобровская, Ктинская, а также Лядский клуб (бывшая церковь) [снова] превращен в церковь. Из Германии были присланы попы, причем нем-

13. Очерки истории органов внутренних дел земли Псковской. С древнейших времен до наших дней: научно-популярное издание / под общ. ред. С.Е. Матвеева. Псков. 2002. С. 188.

14. Там же. С. 188.

> цы, не стесняясь, учитывали тех лиц, которые не посещали церковь. Опасаясь преследования, население в значительном количестве посещает церкви, где во время богослужения попы произносят антисоветские речи[15].

Описывая духовный подъем среди мирного населения, автор допускает ряд серьезных неточностей и искажений. Священники не могли прибыть из Германии, так как это запрещалось директивами из Берлина[16], и в задачи оккупационных властей не входили активная помощь Православной церкви и стимулирование процессов церковного возрождения. Таким образом, массовое посещение крестьянами православных храмов не было связано с опасением попасть под репрессии немецких оккупантов.

В тематической записке опергруппы Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД) на северо-западном фронте о положении на оккупированной территории на 20 ноября 1942 года, в разделе, посвященном религиозному состоянию дел, также находятся сведения о церковной жизни, преподнесенные в сугубо негативном ключе:

> В конце 1941 года в городе Гдове и Гдовском районе немецкие оккупанты открыли три истинно православные церкви. В городе Пскове и Острове открыты соборы епископов... Открытие церквей и соборов производилось по специальному решению высшего церковного совета, опубликованному (в один) из воскресных дней, и сопровождалось торжественным богослужением. На эти богослужения через старост деревень было согнано большое количество населения. Из Германии приезжал специальный представитель — экзарх Сергий, который с собою привез необходимое количество священников, главным образом собранных в Латвии и Эстонии... По воскресным дням после богослужения обязательно проводятся проповеди, рассчитанные на 1,5-2 часа. В проповедях основной упор делается на восхваление победоносного движения немецкой армии... Тут же

15. В тылу врага: борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 год: сборник документов. Л.: Лениздат, 1981. С. 250.

16. Разработанные Восточным министерством указания военным организациям об отношении к религиозному вопросу на оккупированных территориях СССР // *Шкаровский М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2003. С. 194.

> произносятся несметные проклятия большевизму и Советской власти. Официальных законов, (требующих) проведения церковных обрядов гражданами, не зарегистрировано, но крещение, браки, исповеди и т. д. проводятся обязательно[17].

Здесь вновь вымысел перемешан с объективными фактами, при этом автор отчета, по-видимому, слабо владел церковной лексикой и был незнаком с православной традицией. Для нас особенно важно отмеченное в документе имя патриаршего экзарха Сергия (Воскресенского). Правда, он прибыл в Прибалтику не из Германии, как сказано в отчете ленинградской опергруппы, а был ставленником московского митрополита Сергия (Страгородского) и, по некоторым сведениям, являлся агентом НКВД[18].

В апреле 1941 года митрополит Сергий возглавил Прибалтийский экзархат, затем остался на оккупированной территории и развернул весьма активную церковную деятельность, опираясь на относительную лояльность немецких властей. По инициативе и благословению экзарха Сергия в августе 1941 года была организована «Православная Миссия в освобожденных областях России» с центром в Пскове (с 9 июля был занят немецкими войсками). Ядром Миссии стала небольшая группа православных священников Экзархата, который весь период немецкой оккупации оставался в каноническом единстве с Московской патриархией. Вскоре духовенство Миссии пополнилось за счет местных клириков Ленинградской епархии, в том чисел тех, кто прошел испытание сталинскими тюрьмами и лагерями. Благодаря деятельности Псковской миссии была не только восстановлена церковно-приходская структура, до основания разрушенная в предвоенное десятилетие, но и развернута широкая благотворительная, образовательная, просветительская и миссионерская деятельность, которая охватила территории с двухмиллионным населением и принесла обильные плоды, имевшие свое значение и в послевоенные годы[19].

17. В тылу врага: борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 год: сборник документов. С.279–280.

18. *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. (Религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–53 гг.). М.: Кучково поле, 2011. С. 543.

19. *Обозный К.П.* История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2008. С.514–515.

Естественно, для советской власти, в том числе в немецком тылу, церковное возрождение и духовный подъем русского народа на оккупированных землях были раздражающими факторами, вызывавшими и вполне конкретные действия. Об этом сохранились красноречивые свидетельства священников из числа сотрудников Псковской миссии. Протоиерей Алексий Ионов, благочинный Островского округа в 1941–1943 гг., в своих воспоминаниях оставил следующую запись: «Кругом партизаны. Встреча с ними — конец. Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне — значит враги»[20].

Миссионер не сгущал краски; приговор, вынесенный партизанской оргтройкой, приводился в исполнение без проволочек, а если по каким-то причинам это не удавалось, то «карающий меч правосудия» настигал жертву уже в послеоккупационный период. Например, священник Георгий Тайлов, служивший в рядах Миссии в селе Печани под Пушкинскими Горами, получил записку от народных мстителей с угрозой неминуемой расправы:

> Однажды неизвестный человек передал мне записку на латышском языке, что после конца войны я буду судим. По окончании войны я не покинул родину, не считая себя перед нею виноватым и считая, что как священник не имел права бросить духовное стадо. Меня действительно после конца войны арестовали, судили и осудили на 20 лет ИТЛ[21].

Известны случаи, когда священнослужители, церковные старосты и активные члены прихода подвергались притеснениям и репрессиям со стороны советских партизан — аресты, допросы, грабеж, физическое воздействие и даже убийство[22].

Немало священников и церковнослужителей вынуждены были покинуть опасные районы, где власть принадлежала партизанам. Те, кто оставался на своем приходе по соседству с местами

20. *Ионов Алексий, прот.* Записки миссионера // По стопам Христа. 1955. №52. С. 15.

21. Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии 1941-1944 гг. // Православная жизнь. 2001. №1 (612). С. 18.

22. *Обозный К.П.* Православная Церковь и партизаны на оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941–1944 годах: опыт исследования церковно-государственных отношений в немецком тылу // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерала-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Санкт-Петербург, 18-20 октября 2012 года. Сборник статей и материалов. СПб.: Скрипториум, 2013. С. 489–492.

дислокации партизанских бригад, должны были неукоснительно выполнять требования их представителей, которые базировались на советских декретах, регулирующих деятельность церкви в СССР в 1920–1930-х годы. Прежде всего православные пастыри не должны были в проповедях и публичных выступлениях подвергать критике Коммунистическую партию и советское правительство, им запрещалось преподавать в школах уроки Закона Божьего и крестить детей старше 7 лет, а также распространять церковный печатный орган Псковской миссии «Православный христианин» как профашистскую газету, подрывающую основы советского строя[23].

Кроме того, не следует забывать, что без поддержки местного населения партизанское сопротивление обречено на гибель. В этом смысле весьма показательно, что на Псковщине партизанский край становится по-настоящему внушительной силой только к 1943 году, когда нацистская пропаганда дает сбои и ужесточается оккупационная политика, вследствие чего местное население, опасаясь вывоза в Германию, пополняет партизанские отряды. Поскольку православные приходы на оккупированной территории становились местом скоплением некоторого числа материальных ценностей, то нередко представители оргтроек (ответственные также и за снабжение отрядов продовольствием) за помощью обращались именно к священнослужителям. Естественно, факты сопротивления изъятию продовольствия и материальных ценностей расценивались как антисоветская, профашистская деятельность и каралась по всей строгости военного времени.

В этой истории, несомненно, переломным становится 1943 год. Причем изменения в отношениях партизан к церкви начинаются еще до того, как в Москве прошли выборы патриарха и советское правительство объявило о своей благосклонности к православным гражданам. Первые отчеты служащих Псковской миссии о новых тенденциях в отношении советских партизан к Православной церкви начали поступать в канцелярию Прибалтийского экзархата в феврале-марте 1943 года[24].

В отчетах псковских священников-миссионеров, которые пересылались в экзархат в Ригу, вырисовывалась довольно интересная картина: «По словам одних, партизаны считают священников

23. ГАПО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6, 11–12.

24. ГАПО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 2, 7.

врагами народа, с которыми стремятся расправиться. По словам других, партизаны стараются подчеркнуть терпимое и даже благожелательное отношение к Церкви и, в частности, к священникам»[25]. Священник Владимир Толстоухов рассказывал в своем отчете, что «поблизости от его приходов отряд партизан временно захватил деревню, причем их начальник побуждал крестьян к усердному посещению церкви, говоря, что в Советской России Церкви дана теперь полная свобода и что власть… коммунистов идет к концу»[26].

С этим рассказом перекликается свидетельство другого члена Псковской миссии священника Иакова Начиса:

> Партизаны пропагандируют свободу вероисповеданий, и бывшая борьба с религией признается за большую ошибку в чем, якобы советское правительство извиняется перед Богом и русским народом. Эта пропаганда имеет место в приходах Сигорицком, Владимирецком и Шиловском (Псковского округа). Там партизаны заявляли неоднократно крестьянам, что и они придут в церковь. …когда мне пришлось служить 17 января с.г. во Владимирецкой церкви крестьяне… сообщили мне, что в их деревню пришли партизаны и сказали: «Почему вы все сегодня сидите дома, вчера батюшка приехал во Владимирец и сегодня служба». Вся деревня отправилась в церковь. После таких случаев народ уже меньше боится партизан и даже начинает им симпатизировать[27].

В этих выдержках из донесений православных клириков обращают на себя внимание не только открытые симпатии партизан к церкви и духовенству, которые выражались в готовности посещать храмовое богослужение и побуждать к этому крестьян, но и заявление о положительном изменении отношения советского правительства к религии. Утверждение о том, что власть коммунистов близится к концу, возможно, и не принадлежало представителю партизанского отряда, а явилось дополнением, которое самостоятельно внесли прихожане, рассказавшие об этих встречах своему священнику. Однако это примечательный штрих, который еще раз подтверждает тезис о холодности к коммунистическим идеям не только у мирных жителей оккупированных терри-

25. Там же. Л. 1.
26. Там же. Л. 2.
27. Там же. Л. 7.

торий Северо-Запада, но и в среде партизанских бригад. Главный вывод, который можно сделать на основании этих отчетов: симпатия местного населения постепенно меняет свой вектор от немецких оккупационных властей, поначалу провозглашавших свободу вероисповедания, к советским партизанам, оказывавшим покровительство православным приходам и объявившим о кардинальных изменениях в политике Москвы. Еще раз получает подтверждение тот факт, что для русского крестьянина религиозный вопрос, наряду с вопросом о земле, оставался приоритетным. Та власть, которая готова была конструктивно решить эти вопросы, имела серьезные шансы снискать симпатии и доверие большей части населения. Это хорошо понимали в Кремле, а потому вынуждены были пойти на временные уступки, пока не были освобождены значительные территории Советского Союза и не закончилась война. Хорошо известно, что сразу после освобождения Северо-Запада и Прибалтики от немецких войск здесь вновь был восстановлен колхозный строй, принесший в трудные послевоенные годы разорение и голод[28]. Через несколько лет после окончания войны советское правительство открыто перейдет к неприкрытой антицерковной линии, тем самым подтвердив прагматичный поверхностный характер «нового курса» сталинской церковной политики.

Вернемся к событиям второй половины 1943 года в Москве, сведения о которых достигли оккупированных территорий Ленинградской области. На архиерейском соборе 8 сентября не только произошло второе восстановление патриаршества в Советской России, но и были приняты важные документы, отражавшие официальную позицию Московской патриархии, которая коррелировала с политическим задачам сталинского правительства. Во-первых, было оглашено «Обращение Собора преосвященных архиереев Русской Православной Церкви к Советскому правительству с благодарностью за удовлетворение нужд Церкви». Этим обращением собор епископов подчеркивал не только лояльность и благодарность церкви товарищу Сталину, но и обещал приумножить «нашу долю работы в общенародном подвиге за спасение Родины»[29]. Также в рамках Московского собора было

28. Всего в СССР в период 1946-47 гг. от голода умерли около 2 млн человек. См. История России XX век. Эпоха сталинизма (1923–1953). Том 2. Под общ. ред. А.Б. Зубова. М.: “Э”. 2016. С. 634.

29. “Осуждение изменников вере и Отечеству”. Постановление Собора Русской Православной Церкви об отлучении и лишении сана перешедших на сторону фаши-

принято обращение ко всем христианам мира, имевшее важное внешнеполитическое значение, в том числе в смысле воплощения сталинских планов по созданию «православного Ватикана». Но самым важным документом с точки зрения задачи реоккупации советских областей стало Постановление Собора об отлучении мирян и лишении сана представителей духовенства, перешедших на сторону фашистов, которое имело красноречивый подзаголовок: «Осуждение изменников вере и Отечеству». В тексте постановления сказано: «Среди духовенства и мирян находятся такие, которые, позабыв страх Божий, дерзают на общей беде строить свое благополучие. Встречают немцев как желанных гостей, устраиваются к ним на службу и иногда доходят до прямого предательства». Подобную линию поведения собор епископов назвал «иудиным предательством» и постановил: «Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик лишенным сана»[30].

Комментируя это неоднозначное решение собора епископов профессор СПбДА протоиерей Георгий Митрофанов справедливо отмечает, что под церковное запрещение попадают практически все активные участники церковной жизни, оказавшиеся на оккупированных немцами территориях СССР[31].

> Этим постановлением отлучались от Церкви миллионы русских православных христиан, окормлявшихся в почти 12 тысячах храмах, которые действовали на оккупированной территории на основе официального разрешения немецко-фашистских властей. Этим постановлением извергались из сана тысячи клириков, которые самоотверженно возрождали разрушенную большевиками русскую церковную жизнь, искренне или вынужденно служа молебны о победе германской армии. Этим постановлением извергался из сана весь

стов представителей духовенства // РПЦ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2009. С. 67.

30. Обращение Собора преосвященных архиереев Русской Православной Церкви к Советскому правительству с благодарностью за удовлетворение нужд Церкви от 8 сентября 1943 г. // РПЦ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2009. С.68–69.

31. Послевоенное развитие церковной жизни показало, что это решение собора имело не каноническое, а идеологическое и пропагандистское значение, столь значимое в предстоящем тогда процессе реоккупации советских территорий.

> русский епископат, получивший от немецко-фашистских властей право на легализацию своей деятельности[32].

Георгий Митрофанов добавляет, что под запрещение собора подпадал и экзарх Прибалтики Сергий (Воскресенский). Хотя никто в документе поименно не назван, не вызывает сомнения, что по мнению лояльного Сталину епископата изменниками вере и Отечеству в первую очередь являлись представители Прибалтийского экзархата и Псковской миссии во главе с митрополитом Сергием «младшим».

За год до начала «нового курса» Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) выпустил особое персональное определение «По делу митрополита Сергия Воскресенского с другими», которое стало реакцией на архиерейское совещание в Риге, выразившее свою благодарность Гитлеру в приветственной телеграмме и тем самым объявив о своей антисоветской настроенности. В Москве требовали от Экзарха Сергия дать объяснение по поводу происшедшего и «немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии, с донесением о последующем Патриархии, чтобы предстоящий церковный суд при окончательном решении дела имел перед собою не только проступок, но и исправление оного»[33].

Особо следует подчеркнуть факт непосредственного участия в выходе и распространении этого документа (в том числе на оккупированной территории Прибалтики) органов НКВД. В октябре 1942 года заместитель наркома внутренних дел Б.З. Кобулов докладывал секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову:

> В целях разоблачения прибалтийских епископов, пошедших на услужение фашистам, а также для усиления значения патрио-

32. *Митрофанов Георгий, прот.* Государственно-политическая ложь и церковно-историческая правда. Некоторые страницы эпистолярного наследия митрополитов Сергия (Страгородского) и Сергия (Воскресенского) периода Второй мировой войны // РПЦ на исторических перепутьях XX века. М., Арефа, Лепта-Книга, 2011. С.94–95.

33. "По делу митрополита Сергия Воскресенского с другими" определение Патриаршего Местоблюстителя, главы Православной Церкви в СССР Сергия митрополита Московского и Коломенского от 22 сентября 1942 г. // РПЦ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2009. С. 51.

> тических обращений, выпускаемых церковным центром в СССР, в глазах международного общественного мнения митрополит Сергий Страгородский и состоящий при нем совет епископов в количестве 14 человек выпускает специальное обращение к верующим Прибалтийских ССР с особым церковным определением, осуждающим прибалтийских епископов. Негласно способствуя этому политически выгодному для нашей страны мероприятию, НКВД СССР принимает меры к размножению названных патриотических документов типографским способом и распространению их на территории Прибалтийских союзных республик, временно оккупированных немцами[34].

Таким образом, хорошо видно, что еще до официальной «благосклонности» Сталина к нуждам верующих руководство Московской патриархии активно участвует в решении задач, поставленных партией и правительством.

Также по линии НКВД распространялись на оккупированных территориях Ленинградской области и Прибалтики послания собора епископов 1943 года, в том числе документ с осуждением церковных «изменников». В этом неоценимую помощь оказывали партизанские отряды, которые выполняли, наряду с боевыми и диверсионными, не менее важные политические и агитационно-пропагандистские задачи.

Приведем лишь один довольно показательный пример, который сохранился для нас в партизанских мемуарах.

> В декабре 1943 года с Большой земли прибыла необычная посылка. В ней оказались несколько сот экземпляров обращения патриарха всея Руси Сергия к населению оккупированных территорий. Отпечатанное на мелованной бумаге, украшенное крестом, оно не могло не привлечь к себе внимания. Командование бригады выделило группу представителей, которые разошлись по деревням и поселкам для ознакомления народа с посланием главы Русской церкви. В деревне Владимировцы на алтарь поднялся с разрешения служителя церкви боец Дмитрий Петров. Пока он читал обращение, люди стояли на коленях и молились. В церкви деревень Бродовичи и Заполье на алтарь поднялся политрук Шустер.

34. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь: Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2002. С.357–358.

> – Мы к Вам, святой отец, — обратился он к священнику. — Велено передать Вам послание митрополита Сергия. Священник с большим недоверием взял протянутый ему лист бумаги, увидел большой крест с распятием и заплакал. Потом взял себя в руки, перекрестился и огласил текст обращения всем прихожанам[35].

Не нужно долго размышлять над тем, почему для советской власти было так важно распространить документы архиерейского собора и весть о возрожденном патриаршестве на занятых немецкими войсками территориях. Возвращаясь к версии Майнера, можно отметить, что послания патриарха Сергия с осуждением христиан за их «сотрудничество» с врагом Отечества выполняли одновременно две задачи — пропагандистскую и церковно-каноническую. Все православные епископы и клирики Прибалтийского экзархата и Псковской миссии, совершавшие свое служение с разрешения оккупантов, попадали в разряд пособников фашистов и изменников вере и Отечеству. До сих пор в адрес духовенства Псковской миссии доносятся обвинения в «профашистской» деятельности. Церковно-канонической мерой воздействия на священников-«изменников» было объявленное на весь мир извержение их из священного сана, и это означало, что их церковная деятельность утрачивает легитимность.

Здесь следует сделать важное добавление. В апреле 1944 года, когда митрополит Сергий (Воскресенский) уже завершил свой земной путь, в Москве Священный синод принял решение, согласно которому «рукоположения, совершенные им или подведомственными ему епископами… признаются действительными»[36]. В послевоенные годы также никто не ставил под сомнение христианские таинства, совершенные в период оккупации клириками-«изменниками» в Прибалтике и на Северо-Западе России[37]. Это позволяет предположить, что «Осуждение», принятое на со-

35. *Гилев В.И.* По жизненным показаниям. Записки партизанского врача. Л.: Лениздат, 1990. С. 117–118.

36. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь: Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. С. 358.

37. В этой связи следует отметить распоряжение управляющего Ленинградской епархией архиепископа Григория (Чукова) от 9 июня 1944 года о недействительности наград экзарха Латвии и Эстонии митрополита Сергия (Воскресенского), выданных им в период оккупации. См. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2009. С.114.

боре 1943 года, было вынужденным и, возможно, являлось ценой, которая была назначена Кремлем за возможность легализовать патриархию и избрать патриарха.

Попытки оказать влияние на церковную ситуацию на оккупированных территориях советское руководство предпринимало, используя возможности разведывательных органов. На склоне лет легендарный советский генерал Судоплатов написал об этих событиях следующее:

> Уместно отметить и роль разведки НКВД в противодействии сотрудничеству немецких властей с частью деятелей православной церкви на Псковщине… При содействии одного из лидеров в 30-х годах «обновленческой» церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митрополита Сергия нам удалось внедрить наших оперативных работников В.М. Иванова и И.И. Михеева в круги церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии священнослужителя[38].

Через своих агентов, в том числе внедренных в церковную среду, советская разведка не только занималась сбором информации, имеющей оперативно-тактическое значение, проводила «радиоигры», дезинформируя немецкую контрразведку, но и пыталась завербовать священнослужителей для установления контроля над церковной деятельностью. Сегодня, по понятным причинам, далеко не все факты доступны для исследователей, однако некоторые сведения подтверждают гипотезу Майнера о третьем направлении советского влияния: через своих агентов проникнуть и разложить «ненадежное» церковное руководство, поддерживающее оккупационную власть.

В архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится подробное свидетельство о том, как советские разведчики в конце 1943 года пытались установить контакт с начальником Управления Псковской миссии протопресвитером Кириллом Зайцем. Последний получил два письма от неизвестного лица, именовавшего себя майором разведки Михаилом Кудрявцевым. Эти письма доставил в Управление миссии в Пскове священник

38. *Судоплатов П.* Остаюсь единственным живым свидетелем… (Воспоминания о противостоянии советской и немецкой разведок) // Молодая Гвардия. 1995. №5. С. 40.

Илья Богданов, который служил на приходе села Белое, в зоне контроля партизан. Священник неоднократно выполнял их поручения, в том числе передавал письма, в которых о. К. Зайцу предлагалось прекратить антисоветские выступления, проводить военную разведку по городу Пскову, и, наконец, помочь советским разведчикам установить связь с Экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским): «Предприняли бы участие и добились от немецкого командования разрешения на посылку к экзарху Прибалтики… нашего человека с инструктивным письмом». В конце письма было предупреждение: отказ от сотрудничества будет расценен «как предательство и нежелание пойти по пути, который указывает… Русская Православная Церковь»[39]. Вместе с письмом священник Илья Богданов передал первый номер «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП) от 12 сентября 1943 года, в котором были опубликованы документы архиерейского собора. Начальник Миссии не стал отвечать письменно, а на словах передал партизанскому связному, что не может выполнить требований советской разведки, поскольку такой род деятельности идет в разрез с пастырским долгом.

На это возражение о. Кирилла во втором письме из партизанского края было сказано:

> Ваш устный ответ о. Илье нас не удовлетворяет. Ссылки Ваши о том, что Вам как пастырю нельзя писать, по меньшей мере, не серьезны, так как из истории церкви Вы должны знать, когда пастыри выступают в печати. Могу сказать, что Патриарх Московский и всея Руси Блаженнейший Сергий пишет, пишет и известный Вам Смиренный Алексей Митрополит Ленинградский. Дело в конечном итоге не в письме, а в помощи, которую Вы, как начальник Миссии и лицо, связанное с Экзархом Сергием (Малым) и широкими кругами немецкого командования, должны оказать нам разведчикам Красной армии[40].

Здесь же о. Кириллу автор партизанского послания предлагал познакомить Экзарха с содержанием писем и передать ему «Журнал Московской Патриархии». Советский разведчик дает понять о. Кириллу, что своим отказом от сотрудничества начальник Управления Миссии фактически высказывает недоверие тому но-

39. Архив УФСБ по СПб и Ленинградской области. Ф. 19. Д. 119. Л. 89.

40. Архив УФСБ по СПб и Ленинградской области. Ф. 19. Д. 119. Л. 93.

вому церковному курсу Кремля, который поддержали и Патриарх Сергий, и митрополит Ленинградский Алексий (Симанский). Своей несговорчивостью руководитель Псковской миссии «поставил подпись» под обвинением в профашистской деятельности, которое ему предъявят советские следователи прокуратуры Ленинградского военного округа в октябре 1944 года[41].

Протопресвитер Кирилл Зайц, выполнив волю автора загадочного письма и 22 декабря в Риге встретившись с Экзархом Сергием, передал ему два письма Кудрявцева и соответствующий номер ЖМП. По поручению экзарха о. Кирилл на следующий день сообщил о всех этих событиях и партизанских письмах немецкому офицеру при Главнокомандующем СД в Остланде[42].

Все это иллюстрирует сложное положение, в котором к концу 1943 года находился экзарх. Во-первых, налицо несостоятельность версии о том, что глава Прибалтийского экзархата активно проводил разведывательную деятельность в пользу советской стороны. Попытки майора Кудрявцева установить через Псков контакты с экзархом подтверждают мысль о том, что митрополит Сергий, будучи негласным сотрудником НКВД перед войной, оказавшись в условиях оккупации, фактически отказывается вести агентурную деятельность в пользу СССР. Его позиция в отношении немецких оккупационных властей — это не только осторожность, вызванная возможными провокациями СД для проверки степени лояльности главы Православной церкви в Прибалтике. В какой-то мере этот поступок митрополита Сергия разрушает версии о его причастности как к деятельности советской разведки, так и к серьезному сотрудничеству с немецкими спецслужбами. Иначе немецкие контрразведывательные органы использовали бы экзарха Сергия в своих планах в качестве двойного агента, склонив его к выходу на связь с людьми Кудрявцева.

Кроме того, для экзарха Сергия возрождение патриаршества в СССР и последовавшие затем послания патриарха Сергия усугубили его непростое положение главы Православной церкви в Прибалтике. Оккупационные власти требовали, чтобы экзарх

41. Протопресвитер Кирилл Зайц (1869 года рождения) после окончания деятельности Псковской Миссии с 15.03. по 27.07.1944г. служил начальником Внутренней Православной Миссии в Литве. После освобождения Прибалтики от немецких войск был арестован в Шяуляе 18.08.1944 г. В январе 1945 г. осужден по статье 58-1 и 58-2 и приговорен к 20 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Скончался в заключении 28.10.1948 г. в пос. Долинка, Казахстан.

42. Архив УФСБ по СПб и Ленинградской области. Ф. 19. Д. 119. Л. 90–94.

выступил с критикой Московского собора и не признал выборов патриарха. Экзарх Сергий всячески старался оттянуть решение этого вопроса, так как до последних дней жизни оставался в каноническом общении с Московской патриархией, вознося за богослужением имя патриарха Сергия. Этот факт, естественно, вызывал раздражение в Берлине, который с начала 1943 года стал уступать в конкуренции с советской пропагандой.

В итоге экзарх Сергий был вынужден пойти на уступки и созвать 5 апреля 1944 года последнее (в период немецкой оккупации и под своим председательством) архиерейское совещание в Риге, плодом которого стало обращение к «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии». Следует добавить, что к этому времени Псковская миссия перестала существовать, так как бóльшая часть Ленинградской области была освобождена и линия фронта приблизилась непосредственно к Пскову. Многие представители православного духовенства, а также православные верующие, по своей воле или по приказу оккупационных властей, к весне 1944 года были вывезены в Прибалтику, а потому Обращение было адресовано и беженцам, о чьей участи также шла речь на архиерейском совещании.

При этом ни слова не было сказано о незаконности выборов Московского патриарха, чего так желали немецкие власти, но при этом очень ясно прозвучало осуждение большевистского режима, который, якобы, совершил невозможное — изменил свою антихристианскую сущность. Обращение, автором которого, по-видимому, был сам экзарх Сергий, стало беспощадным отрицанием «нового курса» сталинской религиозной политики. Примечательно, что, отказавшись от критики церковного курса Московской патриархии и лично патриарха Сергия, экзарх Сергий продолжил разоблачение коммунистического режима, не стесняясь самых жестких выражений, чем рисковал нанести смертельную обиду кремлевским властителям. Отвечая на советскую пропаганду, которая велась в том числе и на оккупированных территориях через партизанские отряды, митрополит Сергий призывал свою паству не верить обещаниям Москвы, называя их «притворством». Вот наиболее яркая часть из «Воззвания», которое было опубликовано в русскоязычной прессе Прибалтики и широко распространялось по православным приходам Экзархата:

> Такое притворство, такая ложь, такая пропаганда свидетельствуют о слабости большевиков, о том, что их неприкрашенный облик вну-

шает отвращение, что их идеология утратила привлекательность, что продолжать войну собственными силами они не в состоянии, что вся их надежда теперь только на то, чтобы выиграть свою большевицкую войну силами небольшевицкими, а затем их же и раздавить. Борясь за собственное существование, большевики взывают теперь к патриотизму и религиозности русского народа, но если победят, то отомстят ему за такую живучесть его исконного, небольшевицкого духа, окончательно догромят Церковь и вытравят из русской жизни все русское.

Православные люди! Мы призываем вас не поддаваться большевицким наущениям и не верить большевицким посулам! Большевизм есть безбожие и бесчеловечность, насилие и ложь. Такова его неизбывная сущность, его неизменная природа. Таков он был четверть века назад, таков он и теперь.

Можно ли думать, что после 25 лет свирепого преследования Церкви большевики вдруг стали Ее поборниками, после 25 лет террористического попрания свободы вдруг стали ее защитниками, после 25 лет рабовладельческого издевательства над Россией вдруг прониклись любовью к ней? Было бы безумием поверить этому — Сталин не Савл и Павлом не станет[43].

Не будем забывать, что эти слова были произнесены епископом Московской патриархии от лица всех архиереев Прибалтийского экзархата. Это единственный и потому уникальный пример, когда епископы Московской патриархии открыто подвергли уничтожающей критике сталинскую религиозную политику. Именно ту политику, за которую неустанно благодарили Сталина «советские» епископы по другую сторону линии фронта.

Реакция Кремля последовала практически мгновенно. Менее чем через месяц после выхода обличительного воззвания, 28 апреля 1944 года, автомобиль экзарха Сергия (Воскресенского) был расстрелян неизвестной диверсионной группой на глухом участке шоссе Вильнюс–Каунас. Митрополит Сергий, его шофер Петр Кулаков и их спутники, супруги Редикульцевы, погибли.

Большинство современных исследователей склонны полагать, что убийство митрополита Сергия было подготовлено и соверше-

43. Воззвание Архиерейского совещание в Риге под председательством митрополита Сергия от 5 апреля 1944 г. // Русский Вестник. Рига. №42 (66), суббота, 8 апреля 1944 года.

но немецкими спецслужбами[44]. Однако вышеизложенные факты позволяют предположить, что в данном случае мы имеем дело с местью НКВД по отношению к несговорчивому агенту и православному епископу, который отважился сказать правду о сталинском режиме и его проекте нового курса религиозной политики[45]. Здесь уместно вновь обратиться к гипотезе Майнера и вспомнить, что третье направление реоккупации было связано с проникновением советских агентов в церковные круги и с физическим устранением неугодных и независимых церковных деятелей.

Таким образом, мы видим, насколько успешно действовал на оккупированной территории Ленинградской области «новый курс» сталинской религиозной политики: православные приходы становятся местом распространения советской пропаганды; духовенство, не пожелавшее участвовать в этой идеологической работе, подлежит запрещению в служении; советские агенты проникают в церковную среду и пытаются воздействовать на руководство Псковской миссии и Прибалтийского экзархата. Многие священники и миряне, позволившие себе легальную церковную деятельность в период немецкой оккупации, были репрессированы посредством советских судов или ликвидированы диверсионными отрядами НКВД[46] — и это тоже плоды «нового курса».

Можно сказать, что свою роль в подготовке мирного населения к процессам реоккупации «новый курс» исполнил вполне успешно. Хотя, объективности ради, следует отметить, что в послевоенный период именно в Псковской и Ленинградской епархиях сохранилось наибольшее (по РСФСР) количество действующих приходов — по сравнению с теми областями, которые не были оккупированы немецкими войсками и где церковная жизнь восста-

44. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь: Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2002. С. 366.

45. Отчасти этой версии убийства экзарха Сергия советскими агентами придерживается свящ. Илья Соловьев. См. *Шкаровский М.В., Соловьев Илья, свящ.* Церковь против большевизма (Митрополит Сергий (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941-1944 гг.). М.: Общество любителей церковной истории. 2013. С. 137–138.

46. О гибели активных церковнослужителей и мирных жителей оккупированных районов Ленинградской области от рук советских партизан сохранились многочисленные свидетельства. См. *Кирилл (Начис), архим.* “Сохраним лучшее наших отцов”. СПб.: Первоцвет. 2006. С. 46, 48–49; *Иванов М.Ф.* О ком звонят колокола? Псков: ЛОГОС. 2008. С. 89–91.

навливалась по инструкциям Совета по делам РПЦ, то есть в том объеме, который был допущен сталинским правительством.

В то же время нельзя не согласиться с мнением Майнера о роковой роли «нового курса» для самого советского режима:

> Чтобы победить нацистов, советское государство было вынуждено вывернуться наизнанку, и — по иронии диалектики — победившее марксистское государство усугубило те самые «серьезные противоречия», которые, в конце концов, помогут подписать ему смертный приговор[47].

Завершая это небольшое исследование влияния «нового курса» сталинской религиозной политики на церковную ситуацию в областях, оккупированных немецкими войсками, можно сделать вывод о том, что на территории Ленинградской епархии в 1943–1944 годы этот курс был пропагандистским. По церковным каналам на православных приходах, контролируемых партизанскими отрядами, проводилась активная советская агитация, направленная на то, чтобы убедить местное население в коренных изменениях отношений Православной церкви и советского государства. В рамках этой пропаганды производилась дискредитация официальных церковных властей, в частности руководства Псковской миссии и Прибалтийского экзархата как пособников оккупационной администрации. В ходе этой кампании были использованы решения Московского архиерейского собора 1943 года, в соответствии с которыми дисциплинарным наказаниям подвергались священники и миряне, «перешедшие на сторону фашизма». Наконец, именно благодаря «новому курсу» советская разведка проводила работу по вербовке иерархов и клириков, пыталась оттеснить несговорчивых, допуская даже крайние меры, а именно — их физическое устранение.

По сути дела, эта история берет свое начало в событиях девяностолетней давности — с момента выпуска Декларации митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти. Этот документ вызвал тогда в Православной церкви большое смущение и разделение. В период военных испытаний, на краю гибели сталинское правительство не только умело использовало патриотический порыв православных граждан, но и на но-

47. *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945 гг. С. 125.

вом историческом уровне смогло вновь поставить «лояльную» церковь на службу своих политических интересов. Таким образом, «новый» курс сталинской религиозной политики проявил себя как логичное развитие просоветского церковного мировоззрения, направленного на безусловное принятие всех «радостей и успехов» и «неудач» Советского Союза как собственно церковных.

Библиография / References

Архивные материалы и источники

Архив УФСБ по СПб и Ленинградской области. Ф. 19. Д. 119. Л. 89–94.

Воззвание Архиерейского совещания в Риге под председательством митрополита Сергия от 5 апреля 1944 г. // Русский Вестник. Рига. №42 (66), суббота, 8 апреля 1944 года.

В тылу врага: борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 год: сборник документов. Л.: Лениздат, 1981.

Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии 1941–1944 гг. // Православная жизнь. 2001. №1 (612). С. 5–19.

ГАПО (Государственный архив Псковской области). Ф. 1633. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–20.

Гилев В.И. По жизненным показаниям. Записки партизанского врача. Л.: Лениздат, 1990.

Ионов Алексий, прот. Записки миссионера // По стопам Христа. 1955. №52. С. 11–16.

Кирилл (Начис), архим. “Сохраним лучшее наших отцов”. СПб.: Первоцвет. 2006.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2009.

Судоплатов П. Остаюсь единственным живым свидетелем... (Воспоминания о противостоянии советской и немецкой разведок) // Молодая Гвардия. 1995. №5. С. 18–43.

Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2003.

Литература

Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. Независимый русский православный национальный орган. Нью-Йорк. Москва. Париж. 1980. №11. С. 91–118.

Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001.

Иванов М.Ф. О ком звонят колокола? Псков: ЛОГОС. 2008.

История России XX век. Эпоха сталинизма (1923–1953). Том 2. Под общ. ред. А.Б. Зубова. М.: “Э”. 2016.

Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. (Религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–53 гг.). М.: Кучково поле, 2011.

Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Митрофанов Георгий, прот. Государственно-политическая ложь и церковно-историческая правда. Некоторые страницы эпистолярного наследия митрополитов Сергия (Страгородского) и Сергия (Воскресенского) периода Второй мировой войны // РПЦ на исторических перепутьях XX века. М., Арефа, Лепта-Книга, 2011. С. 77–102.

Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2008.

Обозный К.П. Православная Церковь и партизаны на оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941–1944 годах: опыт исследования церковно-государственных отношений в немецком тылу // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерала-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Сборник статей и материалов. СПб.: Скрипториум, 2013. С. 477–514.

Очерки истории органов внутренних дел земли Псковской. С древнейших времен до наших дней: научно-популярное издание / под общ. ред. С.Е. Матвеева. Псков. 2002.

Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь: Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2002.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 1999.

Шкаровский М.В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма (Митрополит Сергий (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941–1944 гг.). М.: Общество любителей церковной истории. 2013.

Якунин В. Изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2002. № 12. С. 67–74.

Archival materials and sources

Arkhiv UFSB po SPb i Leningradskoi oblasti [Archive of the Federal Security Service in the Saint-Petersburg and Leningrad region]. F. 19. D. 119. L. 89-94.

GAPO (Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti) [State Archive of the Pskov region]. F. 1633. Op. 1. D. 8. L.7.

Gilev, V.I. (1990) *Po zhiznennym pokazaniiam. Zapiski partizanskogo vracha* [*For vital reasons: Sketches of a partisan doctor*]. L.: Lenizdat.

Ionov, Aleksei, prot. (1955) "Zapiski missionera" [Notes of a missionary], *Po stopam Khrista* 52: 11–16.

Kirill (Nachis), arkhim. (2006) Sokhranim luchshee nashikh ottsov [Let's preserve the best of our fathers]. SPb.: Pervotsvet.

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic

War: Collection of documents] (2009). Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Shkarovskii, M.V. (2003) Politika Tret'ego reikha po otnosheniiu k Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v svete arkhivnykh materialov 1935–1945 godov (Sbornik dokumentov) [The Politics of the Third Reich Politics in relation to the Russian Orthodox Church in the light of archival materials from 1935 to 1945 (Collection of documents)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Sudoplatov, P. (1995) "Ostaius' edinstvennym zhivym svidetelem... (Vospominaniia o protivostoianii sovetskoi i nemetskoi razvedok" ["I remain the only witness alive... (Memories of conflict between the Soviet and German intelligence services)"], *Molodaia Gvardiia* 5: 18–43.

V tylu vraga: bor'ba partisan i podpol'shchikov na okkupirovannoy territorii Leningradskoy oblasti. 1942 god: sbornik dokumentov [*In the enemy's rear: The fight between partisans and member of the underground in the occupied Leningrad region, 1942: Collection of documents*]. *L.: Lenizdat.*

"Vospominaniia o. Georgiia Tailova o ego rabote v Pskovskoi pravoslavnoi missii 1941-1944 gg." [*"Father Georgy Taylov's memories of his work in the Pskov Orthodox Mission"*] *(2001), Pravoslavnaia Zhizn' 612(1): 5–19.*

"Vozzvanie Arhiereiskogo soveshchaniia v Rige pod predsedatelstvom mitropolita Sergiia ot 5 aprelia 1944 goda" [*"The appeal of the hierarch's meeting in Riga under Metropolitan Sergius' chairmanship of 5 April, 1944"*], *(1944) Russkii Vestnik 42.*

Literature

Alekseev, V.I., Stavru, F. (1980) "Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na okkupirovannoi nemtsami territorii" [The Russian Orthodox Church in German occupied territory], *Russkoe Vozrozhdenie. Nezavisimyi russkii pravoslavnyi natsionalnyi organ* 11: 91–118.

Iakunin, V. (2002) "Izmenenie gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny" ["Changing the relationship between state and Church during the Great Patriotic War"], *Vlast'* 12: 67–74.

Ivanov, M.F. (2008) *O kom zvoniat kolokola?* [*For whom the bell tolls?*]. Pskov: LOGOS.

Kurliandskii, I.A. (2011) *Stalin, vlast', religiia. (Religioznyi i tserkovnyi factory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–53 gg.)* [*Stalin, power, religion (religious and church aspects in the Soviet state's domestic politics 1922–53*)]. Moscow: Kuchkovo pole.

Mainer, S.M. (2010) *Stalinskaia sviashchennaia voina. Religiia, natsionalizm i soiuznicheskaia politika. 1941–1945 gg.* [*Stalin's holy war: Religion, nationalism, and alliance politics 1941–1945*]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN).

Matveev, S.E. (2002) *Ocherki istorii organov vnutrennikh del zemli Pskovskoi. S drevneishih vremen do nashih dnei: nauchno-populiarnoe izdanie* [*Historical sketches of the agencies of internal affairs in Pskov: From ancient times till the present day: A popular science publication*]. Pskov.

Mitrofanov, Georgii, prot. (2011) "Gosudarstvenno-politicheskaia lozh i tserkovno-istoricheskaia pravda. Nekotorye stranitsy epistoliarnogo nasledia mitropolitov Sergiia (Stragorodskogo) i Sergiia (Voskresenskogo) perioda Vtoroi mirovoi voiny" [The national and political lie and the church and historical truth: Some pages of the epistolary legacy of Metropolitan Sergius Stragorodsky and Sergius Voskresensky from the period of the Second World War], in *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na istoricheskih pereput'iah XX veka*, pp. 77–102. Moscow: Arefa, Lepta-Kniga.

Oboznyi, K.P. (2008) *Istoria Pskovskoi Pravoslavnoi Missii 1941–1944* [*The history of the Pskov Orthodox Mission 1941–1944*]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Oboznyi, K.P. (2013) "Pravoslavnaia Tserkov' i partizany na okkupirovannykh territoriiakh Severo-Zapada Rossii v 1941–1944 godakh: opyt issledovaniia tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii v nemetskom tylu" ["The Russian Orthodox Church and partisans within the occupied territories of the northwest of Russia in 1941–1944: A research experiment on church and state relationship in the German rear"], in *Trudy III mezhdunarodnyh istoricheskih chtenii, posviashchennyh pamiati professora, Generalnogo shtaba general-leitenanta Nikolaia Nikolaevicha Golovina (1975–1944)*, pp. 477–514. SPb.: Skriptorium.

Shkarovskii, M.V. (1999) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve: (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 gg.)* [*The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: Church-state relationships in the USSR in 1939–1964*]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Shkarovskii, M.V. (2002) *Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov': Natsistskaia politika v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [*Nazi Germany and the Russian Orthodox Church: Nazi policies concerning the Russian Orthodox Church and religious revival within the occupied USSR territory*]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Shkarovskii, M.V., Solov'ev, Il'ia, sviashch. (2013) *Tserkov' protiv bol'shevizma (Mitropolit Sergii (Voskresenskii) I Ekzarkhat Moskovskoi Patriarkhii v Pribaltike. 1941–1944 gg.)* [*The Orthodox Church against bolshevism (Metropolitan Sergius [Voskresensky] and the Moscow Patriarchate exarchate in the Baltic States. 1941–1944)*]. M.: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Vasil'eva, O. Iu. (2001) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg*. [*The Russian Orthodox Church in the policies of the Soviet government in 1943–1948*]. M.: Izdatelskii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN.

Zubov, A.B. (ed.) (2016) *Istoria Rossii XX vek. Epokha stalinizma (1923–1953)* [*The history of Russia in the XX century: The epoch of Stalinism (1923–1953)*]. Tom 2. Moscow: "E".